

А.А. Бернацкая

О ТРЕХ АСПЕКТАХ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

В последнее десятилетие в отечественной филологии (особенно в работах А.П. Сковородникова [10]) активно разрабатывается термино-понятие «лингвоэкология», или «лингвистическая экология», впервые употребленное, как принято считать [5,27], в 1970 г. Э. Хаугеном в лекции под названием «Экология языка». Новизна постановки вопроса определяется взаимоотношением языка и среды. В этом понятии аккумулированы результаты исследований тревожной тенденции ослабления или ухудшения практически всех составляющих культуры речи, как они представлены, например, в работах Б.Н. Головина [4]. Определенный вклад в становление новой лингвистической дисциплины внес В.А. Звегинцев понятием *психосферы*, соотнесенной с биосферой. Если «биосфера образует среду, которая обеспечивает физическое существование человека, то психосфера является столь же обязательной для человека средой, в которой протекает его психологическая (здесь явно опечатка: должно быть «психическая»). - А.Б.), интеллектуальная, духовная жизнь... Человек как уникальный живой организм в равной степени ориентирован в своем строении и на биосферу, и на психосферу» [7. С. 159-160]. А наиболее полное выражение психосфера находит в языке. Это связано с уникальной отражательной и выразительной способностью языка, с функцией языка как вместилища общественного сознания, включающего в себя все добытое человеческим сознанием, причем «только владение этой сокровищницей знаний обеспечивает общественное существование человека» [7. С. 55]. Далее подчеркивается, что «человеку невозможно оторваться от психосферы, которую он в *форме языка* создает сам для себя» [7. С. 163]. Все виды целенаправленной человеческой деятельности протекают с участием языка или посредством языка. Психосфера динамична, как и биосфера, изменяясь под воздействием сил, исходящих от человека.

Суммируя приведенные соображения, можно заключить, что центральный объект лингвоэкологии - взаимодействие языка со средой - следует понимать как двуединый процесс: внешняя среда через человека, социум воздействует на язык, а язык как центральный компонент психосферы человека влияет на социум в целом и индивида, на нравственный и духовный уровень общества определенного времени¹. Перефразируя известное латинское изречение, можно сказать: «В здоровом обществе здоровый (экологически чистый!) язык». Другими словами, общество обязано оберегать язык от деструктивных воздействий в той же мере, как и биологическую среду своего обитания. Онтологический параллелизм био- и психосферы делает допустимыми и терминологические, и структурные параллели. Так, если экология в биологическом плане уже получила множество видовых подклассов, то и в лингвоэкологии в настоящее время представляется возможным говорить о трех аспектах.

Первый аспект - традиционный, связанный с культурой речи, стилистикой, риторикой и включающий исследования нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи. Результаты этих исследований обобщаются и развиваются в работах А.П. Сковородникова. В конечном счете, это усилия лингвистов целенаправленно повлиять на снятие или ослабление негативных тенденций в использовании языка. Цель этих усилий (пусть и не всегда осознаваемая) - предотвратить проникновение отрицательного узуса в систему, предотвратить регресс языка в плане обеднения его выразительных ресурсов, нивелирования функционально-стилистических и аксиологических оппозиций. В плане речевой культуры такие усилия - сбор, квалификация и классификация речевых ошибок, работа со СМИ, просветительская деятельность - необходимы и не могут остаться безрезультативными. В теоретическом плане это проверка онтологической альтернативы: является ли язык саморазвивающейся и самоуправляемой (ср. Ф. де Соссюр, Р.О. Якобсон) или развиваемой, управляемой (ср. В.М. Солнцев) системой. Этот первый аспект лингвоэкологии можно назвать *интралингвальным*.

Второй аспект экологии языка - *интерлингвальный* и связан с полиязычием как средой обитания отдельного этнического языка и с проблемой исчезновения языков, а значит, и с уменьшением лингвистического разнообразия на Земле. Каждый естественный человеческий язык - разновидность, форма реализации единого универсального естественного человеческого языка. Все языки мира образуют своего рода сверхсистему, включающую многообразие потенций и универсальные принципы организации любого конкретного языка. Вторя В. фон Гумбольдту, Р.О. Якобсон писал, что «языки мира можно фактически рассматривать как многообразные вариации одной и охватывающей весь мир темы - человеческий язык» [6. С. 296]. Таким образом, каждый язык - хранитель и общечеловеческого исторического опыта, и уникальной национальной культуры. Этим обусловлена непреходящая культурно-историческая ценность каждого языка и, одновременно, историческая миссия лингвистов: описать, зафиксировать для исторической памяти человечества каждый язык, сколь немногочисленны ни были бы его носители, сколь далеко от современности ни отстояло бы время, когда этот язык служил средством коммуникации.

Именно в интерлингвальном смысле термин «экология языка», по свидетельству В.Н. Ярцевой, употребил в 1991 г. профессор С. Вурм, рассматривая вопрос о причинах исчезновения языков. С. Вурм провел прямые параллели

¹ Старая проблема взаимоотношения языка и общества в определенном ракурсе

между экологическими катастрофами в природе, связанными с резким сокращением, или уменьшением среды обитания или с вытеснением их более сильными конкурентами, и исчезновением неконкурентоспособных языков [13. С.10]. Очевидно, интенсивность процесса уменьшения количества языков на Земле пропорциональна интенсивности процессов международной интеграции и глобализации в экономике, в социальном устройстве сообществ, а также процессу политической, экономической и военной поляризации мирового сообщества (небольшое количество сверхдержав и большое количество несамодостаточных государств). Подобно «красным книгам» флоры и фауны, появились «красные книги» языков. По данным ЮНЕСКО и экспертов, в 2000 г. исчезло 10 языков, такая же судьба ожидает еще 372 языка. В среднем умирают ежегодно около 12 языков, а к концу XXI в. из 6000 языков, существующих ныне в мире², останется лишь 10% [9. С. 124]. В этой связи даже появилась новая, драматичная по своей сути, классификация языков на здоровые и больные, а последних - на «обреченные на смерть», «смертельно больные», «серьезно больные», «хронически больные» и языки, которым «потенциально угрожает опасность исчезновения» [8]. Н.Б. Мечковская добавляет к этому негативному ряду одну позитивную разновидность: «возрожденные языки» [9. С. 124].

Последствия исчезновения языков неисчислимы. Американский этнолингвист Д. Уиллис подчеркивает, что смерть языка «значит больше, нежели просто потеря еще одного людского наречия. Смерть языка - это смерть целой культуры». Приводится аналогия с живой природой: «Потеря одного языка точно так же обедняет наш мир, как вымирание любого вида животных». Согласно М. Крауссу, эксперту по исчезающим языкам, исчезновение языков, а это могут быть 95% наших языков, станет потенциально **смертельным ударом** по человечеству. Первый довод этой трагической оценки - эстетический: «Мир станет гораздо менее интересным и более однообразным с потерей лингвистического и, соответственно, культурного разнообразия». Второй довод - это станет еще одним доказательством того, что в мире правят мощь капитала и оружия, а не этика и права человека. Третий довод - «биологический»: «необходимость сохранять культурное разнообразие сравнима с необходимостью сохранять экологическое разнообразие». Этим сужается «поле лингвистической деятельности» [11]. Также В.Н. Ярцева отмечает, что тревоги за судьбы «малых» языков объяснимы не только из-за общекультурной ценности этих языков, но и потому, что они необходимы для лингвистической науки. «Не только потому необходимы, что описание генетически родственных языков должно фиксировать все разветвления данной группы или семьи языков, а как раз в «малых» языках могут сохраниться архаичные реликтовые черты, уже подвергнутые нивелировке, но и потому, что, наблюдая сегодня динамику процессов, происходящих в бесписьменных (или младописьменных) языках, можно ретроспективно транспонировать аналогичные процессы в прошлое» [13. С. 14].

Третий аспект лингвоэкологии можно назвать *транслингвальным*. Он связан с использованием единиц, средств, реалий одного языка, одной культуры в контексте и средствами иного языка, принадлежащего другой культуре. Место приложения этого аспекта - художественная литература, фольклор, публицистика. Это - цитирование иноязычных микротекстов, практика перевода с одного языка на другой. Известно, что язык служит средством трансляции культуры как междугенерационной, диахронической, так и синхронной, внутри одного социума и между разноразличными социумами. «Проблема взаимодействия языковых и социокультурных процессов, - отмечают участники проекта, ориентированного на изучение взаимоотношения языка и культуры, - входит в число первоочередных задач современного развития науки, имеющих большое теоретическое и практическое значение, особенно в условиях возрастающей внутриэтнической и межэтнической интеграции» [12. С.4]. Различные формы интеграции, мирное сосуществование в целом в современном мире реальны и эффективны лишь при условии взаимного уважения и толерантности по отношению к «инаковости» партнера. Поэтому пароллями международных связей стали понятия «диалога культур», «межкультурной коммуникации». И язык играет ключевую роль, т.к. язык - это выражение «духа народа» (В. фон Гумбольдт), «форма самовыражения народа» (В.Г. Гак), средство «языковой концептуализации мира» (Т.В. Булыгина, Д.Н. Шмелев и др.), создание «национальной картины мира» (Л. Вайсгербер и другие неогумбольдтианцы), проявление «национального менталитета» (Г.Д. Гачев) и т.д.

Первостепенная важность диалога культур для сохранения человечества нашла отражение и в принципах современной дидактики, и в методике обучения иностранным языкам. Образованный человек - продукт своей культуры, что предполагает толерантность по отношению к другой личности и другой культуре как условие собственного существования в современном мире. В преподавании иностранных языков доминирует культуро-образующая концепция. В качестве цели признается межкультурная (социальная) компетенция. Процесс обучения должен быть межкультурным, т.е. направленным на понимание чужого, включая языковой, исторический, практический, эстетический, этический, стереотипный, рефлексивный компоненты. На нынешнем «посткоммуникативном» этапе дидактики коммуникативная компетенция уже не цель, а лишь предпосылка межкультурной компетенции [1].

При всей открытости вопроса наличие глубоких связей между этническим языком и национальным менталитетом признается почти безоговорочно и создает сверхзадачу в процессе перевода иноязычных (инокультурных) текстов. Кроме перевода, со всей остротой эта проблема должна стоять еще в одной разновидности художественной литературы - когда автор обращается к сюжету, связанному с пространственно-временным и личностным континуумом иноязычного этноса. Едва ли каждый автор подобного произведения осознает необходимость понять, прочувствовать и передать своему читателю, помимо содержания, то, по выражению Г.Д. Гачева, «какой «сеткой координат» данный народ

² В разных источниках называются цифры от 2500 до 6000, редко 2000 или 10000.

улавливает мир... Этот особый «поворот», в котором предстает бытие данному народу, и составляет национальный образ мира» [3. С. 14]. Даже на чисто поверхностном уровне это проявляется в выборе форм имен собственных, личных, всех этикетных формул - обращений, приветствий, прощаний и т.д., в использовании сравнений, в сочетании вербальных и невербальных средств коммуникации и пр.

Примером полного «провала» в этом плане являются романы современного немецкого писателя Хайнца Конзалика, избравшего местом действия десятков прозаических и драматических произведений Россию (ср. хотя бы несколько названий в русском переводе: «Врач из Сталинграда», «Русская симфония», «Наташа», «Тасжные ночи любви», «Сталинград», «Любовь на Дону», «Ниночка, хозяйка тайги», «Любовь в Скт. Петербурге», «Наталя, девушка из тайги», «Влюбленные в Сочи», «Сибирская рулетка», «Крест в Сибири», «Русские истории», «Наш батя³ Бабкин» и др.). Небольшое исследование [2], посвященное передаче только антропонимов и на материале только одного романа этого писателя, дает основание сделать заключение, что в данных текстах максимально неблагоприятная экология языка, в данном случае русского. Неумело обращаясь с именами собственными личными, не имея представления (даже при наличии филологического образования) о богатейших выразительных возможностях русского словообразования (ср. уменьшительные и уничижительные формы имен личных), о нюансах русского бытового и официального этикета в употреблении антропонимов, автор, по существу, производит насилие над русским языком, представляет его немецкоязычному читателю искаженным, обедненным, невыразительным. Все это нельзя расценивать иначе как **экологическое преступление, экологическую диверсию**. Думается, что в международных правовых документах и в законах о языках государств должны содержаться положения, предотвращающие подобные практики. Пристального внимания в плане транслингвальной экологии требуют также заимствования и в плане засорения языка-реципиента, и в плане искажения языка-донора.

Итак, в статье предложена классификация и намечены сферы проявления трех аспектов лингвоэкологии: интралингвального, интерлингвального и транслингвального. Достаточно обширная и разнообразная по материалу и задачам исследования работа в целях полноты, единства принципов и приемов анализа должна быть сконцентрирована в отдельной научной дисциплине, что еще раз подтверждает правомерность автономизации лингвоэкологии как области языкознания. Предмет этой дисциплины - экология языка как его состояние в некоем пространственно-временном континууме, определяемое взаимоотношением с пользователями в прямом контакте или через посредство другого /других языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердичевский А.Л. Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе / А.Л. Бердичевский //Русский язык за рубежом. - 2002. - №2.
2. Бернацкая А.А. Антропонимы в аспекте межкультурной коммуникации / А.А. Бернацкая //Материалы Четвертой Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. - Красноярск: СибГТУ, 2003.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. - М., 1998.
4. Головин Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. - М., 1988.
5. Данеш Фр. Экология языка малого народа. Понятие экологии в лингвистике / Фр. Данеш, С. Чмейркова // Язык. Культура. Этнос. - М., 1999.
6. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В.А. Звегинцев. - М., 1968.
7. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике/В.А. Звегинцев. - М., 1996.
8. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. Гл. 7. Проблема исчезающих языков в бывшем СССР / А.В. Кибрик. - М., 1992.
9. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Н.Б. Мечковская. - М., 2001.
10. Сковородников А.П. Вопросы экологии русского языка: Учеб. пособие / А.П. Сковородников. - Красноярск, 1993; Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления / А.П. Сковородников // НДВШ. Филологические науки. -1996. - № 2.
11. И. Уиллис, Д. Новый Вавилон // Комок. - Красноярск. -1997.-№30.
12. Язык как средство трансляции культуры. - М., 2000.
13. Ярцева В.Н. О судьбах языков в современном мире / В.Н. Ярцева. // Известия АН СЛЯ. - Т. 52. -1993. - № 2.

³ Батя? Батяня? Батюшка? Папочка? Папаша? – В немецком языке нет средств разграничения этих и множества других форм имени.